

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

УДК 37.016: 342.4

DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-7-23

О ПРЕПОДАВАНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: ПРАВОВЫЕ, ПРЕДМЕТНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ (МЕТОДИЧЕСКИЕ) АСПЕКТЫ

Авакьян С. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определение задач учёным-специалистам, занимающимся преподаванием конституционного права в условиях конституционной реформы 2020 г., новелл Конституции Российской Федерации и проблем их использования в процессе преподавания.

Процедура и методы. Дан системный анализ новелл конституционно-правового регулирования после конституционной реформы 2020 г., что остаётся на первом плане для учёных-специалистов, преподающих конституционное право. Рассмотрены проблемы использования в преподавании категорий публичного права и публичной власти, гражданского общества, социальных начал, основы статуса личности, территориальной организации страны, избирательного процесса, соответствующих органов власти в новых условиях. Обсуждены вопросы о сочетании в преподавании конституционного права рассмотрения разных уровней внутреннего конституционно-правового регулирования, а также наднациональных и международных документов, посвящённых конституционным отношениям в нашей стране.

Результаты. Выявлены проблемы по реализации новелл конституционно-правового регулирования после конституционной реформы 2020 г., внесены авторские предложения, советы и рекомендации в рассматриваемой сфере, что будет способствовать совершенствованию законодательства и высокому уровню преподавания конституционного права России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Даны практические рекомендации для достижения целей преподавания студентам в процессе изучения ими конституционного права Российской Федерации

Ключевые слова: преподавание, публичное право, публичная власть, конституционное право, гражданское общество, социальные основы, личность, территориальная организация государства, избирательный процесс, государственные органы, уровни конституционно-правового регулирования

ON GRANTING THE CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA IN MODERN REALITIES: LEGAL, SUBJECT AND METHODOLOGICAL (METHODOLOGICAL) ASPECTS

S. Avakyan

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

© СС ВУ Авакьян С. А., 2022.

Abstract

Aim. Determination of tasks for specialist-scientists involved in teaching constitutional law in the context of the constitutional reform of 2020, innovations of the Constitution of the Russian Federation and the problems of their use in the teaching process.

Methodology. A systematic analysis of the innovations of constitutional and legal regulation after the constitutional reform of 2020 has been given, which remains in the foreground for scholars who teach constitutional law. The problems of using the categories of public law and public power, civil society, social principles, the foundations of the status of an individual, the territorial organization of the country, the electoral process, the relevant authorities in the new conditions were considered in teaching. The issues of combining in teaching constitutional law the consideration of different levels of internal constitutional and legal regulation are discussed, as well as supranational and international documents on constitutional relations in our country.

Results. Problems were identified on the implementation of innovations of constitutional and legal regulation after the constitutional reform of 2020, author's proposals, advice and recommendations in the field under consideration were made, which will contribute to improving legislation and a high level of teaching constitutional law in Russia.

Research implications. Practical recommendations are given to achieve the goals of teaching students in the process of studying the constitutional law of the Russian Federation

Keywords: teaching, public law, public power, constitutional law, civil society, social foundations, personality, territorial organization of the state, electoral process, state bodies, levels of constitutional and legal regulation

Введение

В последнее время увлечение наукой было ощутимым в жизни для многих учёных [3; 13; 17; 20–22], и связано это в первую очередь с необходимостью освоить понятийный лексикон после его пополнения при конституционной реформе 2020 г. Немаловажное значение имеют и государственно-политические события последних лет, и политическая риторика, в которой слышатся предложения восстановить ряд понятий прошлого, сомнения в правильности полного отказа от государственной собственности, от руководящей роли государства, в обоснованности подчинения внешних и внутренних функций государства зарубежному влиянию, ненужного вступления во Всемирную торговую организацию, в Совет Европы, обеспокоенность навязыванием нам чуждых морально-нравственных категорий и др.

Разумеется, эти задачи нельзя считать в полной мере решёнными. Особенно в ситуации, когда идёт необходимая после конституционной модернизации ревизия нормативной базы, появляются либо новые

законы и другие акты, либо обновлённые редакции ранее известных, причём в обеих разновидностях документов мы находим существенно скорректированные концепции и правила.

Но наряду с научными изысканиями для преподавателя вуза не менее важным становится обращение к **правовым, предметным и методологическим (методическим) аспектам преподавания конституционного права России**. Данная задача не является второстепенной и должна помочь в доведении *доктринальных (нормативных и толковательных)* новшеств нашей отрасли до широкой массы студенчества во всех его существующих пропорциях (бакалавриат, магистратура, специалитет). Уровень обучающихся сегодня высок, для большинства содержание предмета становится базой не только его освоения, но и, не побоимся этих слов, научных изысканий как в рамках курсовых и дипломных, выпускных работ, так и достаточно серьёзных публикаций.

Итак, исследовательские аспекты часто переплетаются с преподавательскими, что читатель увидит и в нашем материале.

Конституционное право – публичное право

Отражение в содержании реформы 2020 г. категорийного ряда, связанного с публичной властью и публичным правом, сильно повлияло на общее состояние юридической науки, в т. ч. и на конституционное право.

Если говорить честно, ничего особенно-го здесь не было и нет. Открываем первое издание курса «Конституционное право России», выпущенное в 2005 г., и видим: категория публичной власти широко используется в конституционно-правовом учебном издании. И это естественно, поскольку о публичной власти говорят уже столетия, видят в ней объединяющую категорию для государства и общества, для граждан, их образа жизни и союзов (объединений, религиозных и территориальных сообществ), для всех видов собственности, военной инфраструктуры и т. д.

Публичная власть уже давно считается категорией, охватывающей ключевые линии народовластия в их единстве [1; 5; 8; 9; 12; 14; 16; 18]. Основа такого подхода заложена в действующей Конституции Российской Федерации. В ч. 1 ст. 3 провозглашено: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ». И далее то, что особенно привлекает: согласно ч. 2 ст. 3 Конституции РФ, «Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Что же изменилось к нашим дням? Формально то, что категория «публичной власти» теперь включена в официальный конституционный лексикон. Но одновременно конституционная материя обратилась к категории, о которой многие учёные и практики уже давно говорили, – *гражданскому обществу*, отсюда неизбежно и к *общественной власти как средству его (общества) самовыражения и институтам*. Полагаем, это обусловлено желанием объединить категорией публичной власти

многие сферы как объекты совместного государственно-общественного бытия. Государственного – в части создания нормативно-правовых основ и направления всех процессов, общественного – в наполнении руководства, контроля, наряду с государственными возможностями, также и потенциалом общественных ресурсов.

Но включение категории «публичной власти» в Конституцию РФ – с таким наполнением содержания – не было сопровождено её определением. Неувязка стала очевидной. И тогда было решено отразить категорию публичной власти не в том широком предназначении, о котором мы сказали выше, а как систему *органов* публичной власти. И такое определение связали с законом об органе, роль которого возвысили его отражением в Конституции страны, – с Федеральным законом от 8 декабря 2020 г. «О Государственном Совете Российской Федерации».

В период проведения конституционной реформы 2020 г. об этом органе много говорили, толковали его чуть ли не как «базовую точку опоры или приземления» для Президента РФ. На деле оснований для этого не было: Госсовет уже давно существовал как одна из вспомогательных структур президентской власти, был создан президентским Указом в 2000 г., собственно, в этом качестве он и остался, хотя его роль и несколько возвышена упоминанием о нём в Конституции и принятием отдельного закона об этом органе.

Сегодня, по прошествии пары лет продолжения функционирования Госсовета, сказанное стало более очевидным, но в 2020 г. ожидалось более активное осуществление его функций. Это и было решено отразить в акте о нём уже на уровне закона, а не указа.

Однако заодно Закон о Госсовете был использован для характеристики публичной власти. И сделали это, по нашему мнению, не совсем удачно. В акт включили гл. 1 «Общие положения», в ней существенно расширен предмет Закона. В ст. 1 «Предмет регулирования настоящего Федерального закона» читаем: «Настоящий Федеральный

закон в соответствии с *Конституцией Российской Федерации* и в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия *органов, входящих в единую систему публичной власти*, определяет *основы функционирования публичной власти*, а также статус, организационно-правовые основы формирования и деятельности Государственного Совета Российской Федерации». Уже в приведённом тексте видим ориентир на то, что даёт толкование публичной власти как единой системы *органов* и что делается это в соответствии с Конституцией РФ.

И этот подход становится более ясным при ознакомлении с ч. 1 ст. 2 Закона, именуемой «**Понятие единой системы публичной власти**»: «Под единой системой публичной власти понимаются федеральные *органы* государственной власти, *органы* государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные *органы*, *органы* местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в т. ч. по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства».

Итак, дожили... И автор этих строк, и коллеги не раз писали о том, что ещё со времён создания Конституции СССР 1936 г. политики и учёные подсказывали руководству страны, что у нас у власти народ (трудящиеся), что и следует отразить в Основном законе. Но бюрократия власти с упорством фиксировала в Конституциях, что народ осуществляет у нас власть *через органы* государственной власти. Мы радовались, когда в Конституции 1993 г. появились на первом месте слова о непосред-

ственном осуществлении народом своей власти и уж далее – что также через органы. Эти нормы приведены выше.

Поскольку важность и прямое действие Конституции РФ никем не отрицаются, остаётся лишь сожалеть по поводу формулировок Закона 2020 г. и о том, что они появились якобы в соответствии с Конституцией, и в очередной раз высказать утверждение, что публичная власть в Российской Федерации на основе Конституции должна объединять общество и государство, а потому может быть в формах непосредственного народовластия, государственной власти и власти местного самоуправления.

Гражданское общество и общественная власть

Развивая вышеизложенное, следует говорить о трактовке гражданского общества как политического и научного понятия, а также о его использовании в курсе конституционного права. Но с категорией гражданского общества происходит нечто непонятное, соответственно и с общественной властью. Не исключено, что государственная бюрократия просто боится гражданского общества как силы, которая «нависнет» над государственным механизмом и начнёт контролировать и оценивать каждое его действие.

Поэтому попытки сделать гражданское общество предметом регулирования уровня самой Конституции РФ до последнего времени не получались. Хотя в проекте Конституции, подготовленном Конституционной комиссией ещё в 90-е гг. прошлого века (условно «проект О. Г. Румянцева»), глава о гражданском обществе наличествовала, правда, в окончательном тексте Основного закона, продвинутом Б. Н. Ельциным, она отсутствовала (отсутствует). Но в последующем в различных актах конституционно-правового назначения понятие «гражданское общество» стало отражаться, да и оправдывает себя. В качестве примера можно сослаться на Федеральный закон 2005 г. (с изменени-

ями и дополнениями) «Об Общественной палате Российской Федерации», законы об общественных палатах субъектов РФ: в них определяется одна из их задач как раз в консолидации и оказании помощи институтам гражданского общества, в т. ч. и по контролю в отношении государственных структур – это прямо зафиксировано в названной серии актов. Другими словами, там, где необходимо существование и взаимодействие структур общества (гражданского общества) в планах мобилизации потенциала граждан и их объединений, а также в задачах общественного контроля в отношении органов исполнительной власти – наличие институтов гражданского общества как будто бы приветствуется.

Но несколько иная ситуация складывается тогда и там, когда и где речь заходит о категории общественной власти в части её самостоятельных задач в осуществлении управления обществом, как бы отделённых от государства, его права воздействовать на общество. А как известно, теория государства в качестве ключевого постулата его (государства) возникновения предлагает принятие им на себя ряда общественных задач, их превращения в государственные дела и функции.

Скорее всего, у тех, кто связан с государством и его аппаратом, имеются опасения такого рода: что можно разделить дела по управлению обществом и государством на самостоятельные линии; что общество (гражданское общество) создаст свои органы управления им, обществом; что возникнет нездоровая ситуация разделения публично значимых задач и порядка их осуществления.

Разумеется, те учёные и практики, которые выступают за возвышение роли гражданского общества, совсем не ратуют за то, чтобы оно в целом или в каких-то делах подменило государство [4; 10; 11]. Такие попытки у нас предпринимались в связи с теорией отказа от государства и переходом к общественному коммунистическому самоуправлению. Подобную линию развития признали в целом нереальной и нежизненной.

Поэтому речь идёт о другом:

1) отражение в Конституции права граждан и их объединений на самостоятельное осуществление тех дел, которые специфичны для общества – часть забот о людях, социальные аспекты, удовлетворение их общественных и духовных интересов и запросов;

2) отражение в Основном законе РФ также прав институтов общества по контролю за конституционностью и законностью деятельности государственных органов, да и то не всех, а исполнительной власти;

3) закрепление прав таких институтов по внесению идей и предложений, касающихся судьбы страны, осуществления политики государства, деятельности государственных органов;

4) при необходимости – получение импульсов от государства в части общественных настроений, атмосферы, соблюдения действующих законов и иных нормативных актов.

В этом плане надо признать обоснованными идеи и предложения по включению в Конституцию РФ отдельной главы о гражданском обществе, общественной власти как разновидности власти народа, об общепризнанных общественных институтах. Хотя этот вопрос требует отдельного обсуждения, всё же очевидно, что это не только названные выше общественные палаты, но также общественные объединения, их ведущая разновидность – политические партии. Не исключены разговоры о возобновлении роли трудовых коллективов, о поддержке инициативных объединений граждан, а также о расширении влияния в обществе религиозных организаций.

Таким образом, мы отнюдь не ратуем в пользу способных появиться в гражданском обществе идей и инициатив слома государственного аппарата революционными путями, переворотами; мы против различных оппозиций, «фронтов», демонстративных выступлений против государства; мы против извращенцев и их объединений.

Какой вариант взаимоотношений должен быть у гражданского общества и го-

сударства? Помимо сотрудничества следует исходить из того, что государство в лице своих органов *должно поддерживать* гражданское общество. Гражданское общество – это среда, почва, платформа для государства, здесь оно осуществляет свои задачи, соответственно, призвано помогать гражданскому обществу.

Первый успех регулирования на уровне Конституции РФ в отношении гражданского общества мы видим во включении в Основной закон при реформе 2020 г. п. «е1» в ч.1 ст.114, согласно которому Правительство РФ *«осуществляет меры по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций, обеспечивает их участие в выработке и проведении государственной политики»*. Не будем слишком придирчивы к этой формулировке. Главное – она включена в Конституцию.

Соответственно, надо в той части курса конституционного права РФ, где даётся характеристика конституционного строя и публичной власти, *вести разговор о гражданском обществе, его институтах и их участии в публичной власти своими методами и путями*.

Социальные составляющие конституционного строя России

Очень важная задача в преподавании конституционного права России, которую можно решать как в рамках анализа гражданского общества, так и самостоятельно – *расширение характеристики социальных основ общества и государства*.

Конечно, мы это делали и ранее, ведь в Конституции имеется ст. 7, которая провозглашает, что Россия – социальное государство. Характеризуя конституционный строй страны, мы обращали внимание на его социальные начала.

Но при конституционной реформе 2020 г. в Основной закон включён ряд дополнительных и новых аспектов нашей социальности, им нужен хотя бы беглый обзор в соответствующей части курса конституционного права России. На базе всех

конституционных социальных основ нашего строя некоторые учёные предлагают выделить новую отрасль права – социальное право с отнесением в его состав многих конституционных норм, а также других отраслей права – кстати, тех, где они, эти составляющие, изначально зарождались (например, трудового права – социальное партнёрство). Это может стать предметом другого разговора. Здесь же остановимся на ключевых конституционных положениях, на толковании которых следовало бы сделать упор.

Прежде всего, выделим новую ст. 75.1 Конституции и приведём её полностью: *«В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнёрство, экономическая, политическая и социальная солидарность»*.

С позиций социальности особого внимания заслуживают такие слова и их сочетания:

- взаимное доверие государства и общества;
- защита достоинства граждан и уважение человека труда;
- сбалансированность прав и обязанностей гражданина;
- социальное партнёрство;
- экономическая, политическая и социальная солидарность.

Появление первой позиции – «взаимное доверие государства и общества» – ещё больше подтверждает наш тезис о том, что общество, гражданское общество заслуживает более высокого внимания конституционного права. По существу, в Конституции признано, что и некоторая самостоятельность, и союз государства и общества должны анализироваться не только как политические, но и как конституционно-правовые явления. Мы пока не готовы ответить на вопрос о ракурсе

анализа, но его очевидность будет многих стимулировать. Во всяком случае их субъектная самостоятельность и переплетение, формы взаимодействия, уважение к актам и действиям друг друга, шаги «по уменьшению вреда» и «увеличению взаимной пользы» – всё это может стать объектом конституционно-правовых взглядов и оценок.

Две следующие позиции – «защита достоинства граждан и уважение человека труда», «сбалансированность прав и обязанностей гражданина» – предполагают сочетание нескольких может и известных, но всё же в сильной степени возрождаемых социальных ценностей. Их суть состоит в том, что в нашей стране, в нашем обществе предполагается такой статус личности, в котором уважение к персоне обуславливается прежде всего тем, что это «трудящийся человек», т. е. создающий какие-то ценности и тем самым упрочивающий своё достойное место как в государстве, так и в обществе. И дело ещё в том, что «сбалансированность» прав и обязанностей следует понимать не как их равные объёмы, а как взаимную обусловленность.

Ещё две категории – «социальное партнёрство», «экономическая, политическая и социальная солидарность» – отражают то, что в нашей стране, отказавшейся от категории «классов», тем не менее признаются «социальные слои» и, соответственно, должны решаться задачи их экономического, политического и социального взаимодействия. Основой экономического взаимодействия является то, что каждый слой имеет свои особенности занятости; политическое начало состоит в том, что они могут создавать объединения для выражения своих взглядов и устремлений. А социальное начало предполагает разные уровни их материального и общественного положения, и при этом они могут/должны сотрудничать (а не враждовать), помогать друг другу (а не уничтожать), использовать свои возможности и организации для решения насущных для всех задач [2; 7; 19].

Новые оттенки в характеристике конституционно-правового положения человека и гражданина

Конституционное отношение к личности у нас не меняется – и ст. 2 Конституции и вся гл. 2 остаются не просто конституционными основами, но и действующим правом.

Однако стоит обратить внимание на политическую, а постепенно и конституционную ориентацию отношения к личности. В первую очередь речь идёт о корректировке толкования её места в государстве и обществе, отношений с ними. Здесь ключевыми становятся такие контуры:

а) не только обязанности государства и общества по отношению к личности, но и *обязанности человека* по отношению к государству. Скорее всего, у нас получился явный «перебор», когда записали в ст. 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Более правильно поступили те страны, которые отразили там же и ответную обязанность человека уважать своё государство и способствовать его укреплению; это очень соответствует принципу сбалансированности прав и обязанностей в целом (о нём мы упомянули выше), и такая сбалансированность должна быть элементом также и отношений личности и государства, общества;

б) страна несколько уточняет свои ориентиры отношения к внешнему миру, исходя как из своих интересов, так и из ухудшения положения во внешней среде тех, что национальным фактором или фактором прежней жизни, фактором личных симпатий к нашей стране ориентируется не просто на укрепление связей с нами, но также и на *приобщение к нашей стране* переездом сюда, а возможно и получением российского гражданства. Таким образом, в сфере миграционной политики ориентиры существенно меняются, налицо её конституционализация, эта политика перестаёт быть объектом только административного пра-

ва, что и должно быть отражено в нашем курсе;

в) в развитие такого подхода мы остаёмся державой со своим гражданством и задачами его упрочения, а также формирования нашего отношения к иностранцам. Поэтому в курсе конституционного права следовало бы оттенять нормы, направленные на *защиту наших граждан* уже с момента их рождения, – сохранение российского гражданства при разном гражданстве родителей (при условии, что один – гражданин РФ), при рождении в тех странах, где фактор места рождения даёт приоритеты в признании и/или получении иного гражданства. Надо также в большей мере обращать внимание на *выбор работы или службы иностранцем* в нашей стране как приоритет в получении российского гражданства, прогрессивное значение установления бессрочности вида на жительство как ключевого документа для иностранца, проживающего в России.

В связи с тем, что ст. 6 Конституции запрещает лишение гражданства для тех, кто является гражданином РФ, не излишне проанализировать правила, касающиеся порядка приобретения российского гражданства иностранцем – с принесением присяги, а также с отменой принятых решений и отсюда прекращением российского гражданства. Не плохо в этой связи привести соответствующие правила о прекращении гражданства из Европейской конвенции о гражданстве;

д) расширение *общегосударственных* элементов в статусе личности, т. е. переход от просто личных прав к *общегосударственному уровню толкования статуса человека и гражданина, его составляющих*. Нельзя сказать, что ранее этого не было. Но всё же ряд новых категорий отражает связь «человек – государство» и «человек – общество». В особенности обратим внимание на такие моменты:

– введение категорий «язык государствообразующего народа – русский язык» (ч. 1 ст. 68 Конституции);

– передача от предков «идеалов и веры в Бога» (ч. 2 ст. 67-1);

– брак и супружество как союз женщины и мужчины (п. «ж1» ч. 1 ст. 72);

– дети как объект общей заботы – «всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие детей, воспитание в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим» (ч. 4 ст. 67-1);

– культура и культурная самобытность как ценности народа и государства (ч. 4 ст. 68, ч. 2 ст. 69).

Вместе с тем мы столкнулись с несколькими острейшими проблемами:

– внутренний мир личности и средства его обеспечения в интернет-виртуальном пространстве;

– защита личности и в первую очередь через категории достоинства личности, персональные данные и их «обережение»;

– личность как объект и жертва информационного давления. Настало время задуматься над тем, как мы допустили, что народ, не отрывавшийся от круглых радио-«тарелок» и глубоко веровавший в государственные источники информации, перешёл к периоду «припадания» к приёмникам и улавливания заглушаемой информации от западных радиостанций, а сегодня мало смотрит и не верит поощряемым государством телеканалам и ищет какую-то «истину» в неформальных источниках, зачастую не просто подающих какую-то информацию, а откровенно туманящих сознание граждан.

Иначе говоря, «враньё», «фейки», «препарирование информации» и даже её сокрытие (в ситуации, когда это бессмысленно делать) – обо всём этом придётся говорить при преподавании конституционного права, по крайней мере с позиций конституционного отражения средств борьбы и преодоления названных негативных явлений.

Территориальная организация государства, федерализм, государственная территориальная и национальная политика

Несмотря на то, что в Конституции РФ гл. 3 называется «Федеративное устройство», желательно в курсе конституционного права видеть и статику, и динамику этого явления.

Прежде всего, является вполне обоснованной линия государственной политики, отражённая в Конституции РФ, что Российская Федерация является правопреемником и правопродолжателем Союза ССР (ч. 1 ст. 67-1 Конституции в ред. 2020 г.).

Но речь можно вести не только о прежних договорах, которые мы признаём и при необходимости продолжаем. Не менее существенным является и территориальный фактор: мы исходим из предметного состава нашей территории на начало самостоятельного существования РФ. Однако мы не отвлекаемся от права на самоопределение народов и их территорий, если они решили, меняя свою судьбу, войти в состав Российской Федерации. Это и происходит в реальности.

Отсюда в курсе конституционного права мы не можем уйти от того, что записано и в Уставе ООН, и в нашей Конституции. В ст. 1 Устава (п. 2) одной из целей Организации провозглашено: «Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и *самоопределения* народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира». В этом же ключе в Преамбуле Конституции РФ провозглашено, что она принимается, в т. ч. «исходя из общепризнанных принципов равноправия и *самоопределения* народов», а в ч. 3 ст. 5 нашей Конституции данный постулат отражён как один из ключевых моментов нашего федеративного государства: «Федеративное устройство Российской Федерации основано на её государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий

между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, *равноправии и самоопределения* народов в Российской Федерации».

Это должно быть основой предметного разговора о состоянии и перспективах территориальной организации страны.

Не излишне при этом обратиться и к прошлому. В том плане, что Российское государство, идя навстречу разным народам, хотя порой и вынуждено было опираться на военный фактор, но всегда заключало договоры о союзах с включаемыми (объединяемыми) территориями, народами, исходило из их желаний быть в составе нашего государства. Став частью России, эти народы получили прежде всего внутренний мир, защиту от внешних притязаний, вхождение в огромный экономический рынок, материальные выгоды для местного населения, перспективы духовного развития.

Сегодня вхождение в Россию для ряда территорий означает конституционно-правовое воссоединение с русским народом, частью которого они являются исторически, их дальнейшее развитие в рамках территориальной организации Российской Федерации. Эти части единого народа не просто воссоединяются, они ещё и говорят внешнему миру, что они отказываются пребывать в составе государства, которое пронизывает себя враждебным отношением к России.

В этой части курса конституционного права не лишней будет вводная о нашем толковании федерализма, о государственной федеративной (федеральной) политике в России с учётом национальной составляющей. Здесь должны найти место такие позиции:

- сущность российского подхода к федерализму как принципу государственной организации страны;
- национальные и территориальные начала в российском федерализме;
- государственное единство как основа нашего федерализма (ч. 2 ст. 67-1 Конституции), толкование централизации и децентрализации в российском федерализме;

– государственный суверенитет и территориальная целостность как категории для всей Российской Федерации (ст. 4, ч. 2-1 ст. 67);

– условия взаимоотношений центра и частей государства (регионов), включая категорию самостоятельности и её пределов для субъектов Российской Федерации (ст.ст. 71–73 Конституции).

Мы не видим необходимости в сглаженном анализе федерализма и национальной политики в нашей стране. Каждое федеративное государство в мире развивается сложно, мы – не исключение. «Загравивание» в учебном курсе основ и проблем федеративного строительства, межнациональных отношений, «командно-административных» методов руководства страной, путей формирования государственного бюджета, налоговой политики, плюсов и негативов централизации и децентрализации, «назначенчества» и «согласованности» в подборе руководителей территорий – всё это способствует выработке начал государственного мышления у наших студентов, тем более что многие из них позже будут участниками федеративных процессов в Российской Федерации, субъектах РФ.

Не излишне в определённой мере сохранять «наступальное» начало в характеристике нашего устройства, в т. ч. и в сравнительном аспекте. Не будем, в частности, забывать о том, что кичащиеся своим федерализмом США появились в результате покорения чужих территорий и насильственного изгнания с них коренных жителей; британский союз, подаваемый как дружеское объединение, на деле появился как следствие насилия – захвата чужих территорий.

Существенной недоработкой в преподавании территориальной «части» конституционного права является то, что зачастую мы ограничиваемся статикой РФ, её субъектов, мало уделяем внимания территориальной и национально-культурной автономии. Да и часов лишних нет...

И всё же появились новые веяния в территориальной организации страны. И это

заставляет нас думать о расширении данного блока конституционного права.

Во-первых, это внимание к национальным аспектам в территориальной структуре. Не следует забывать, что у ряда элементов территориальной организации национальное начало отражено в наименовании, в характеристике как автономной единицы. И не стоит уходить от соответствующих вопросов, считать их второстепенными.

Во-вторых, следует взвешенно подходить к новым явлениям в территориальной структуре, спокойно их анализировать. В этом плане обратим внимание на такие моменты.

В частности, сейчас все «ухватились» за предусмотренные реформой 2020 г. федеральные территории (ч. 1 ст. 67). Действительно, это новое и во многом непонятное явление. И при этом есть же отражённая в Конституции категория возможного изменения статуса субъекта РФ (ч. 5 ст. 66, ч. 1 ст. 137). Мы и раньше их почти не касались, но спрашивается, как быть с таким статусом при изъятии Федерацией «куска земли» и при согласии субъекта, и тем более при отсутствии такого согласия либо его «незапрашивания».

В Конституции РФ нет чётких внутренних критериев образования нового субъекта РФ. Но разве в курсе конституционного права (учебном и научном!) нельзя это обсуждать? К примеру, если Южная Осетия решит войти в состав Российской Федерации и будет просить союза с Северной Осетией, оформления статуса нового субъекта в России – где, как не в курсе конституционного права, поговорить об этом! Если ранее Чукотка была в составе Магаданской области, а потому этот автономный округ оттуда вывели и включили напрямую в РФ – где это обсуждать, если не в учебном курсе конституционного права?

Но и это не всё. В погоне за экономическими и стратегическими успехами ряд решений территориального характера пока остаётся вне тематики федеративного устройства. На что-то мы реагируем в курсе муниципаль-

ного права, например, это ЗАТО (закрытые административно-территориальные образования), имеющие по законодательству статус муниципальных единиц, наукограды – они являются городскими округами (теперь муниципальные округа). Но как быть с «инновационными центрами», «особыми экономическими зонами», «территориями (или зонами) опережающего развития»? Они не просто создаются, выводятся из имеющихся территориальных структур, им придаются свои руководящие органы. Причём всё это делается президентскими или правительственными актами. Спрашивается, разве там не знают о противоречии созданного имеющейся системе органов власти, нормативно отражённой. Думается, следует подобным единицам уделить внимание и в этой части курса конституционного права.

Более чем странно и то, что вне обзора в этой части конституционного права остаются вопросы административно-территориального устройства (АТУ) субъектов Российской Федерации. Кстати, хотя по началу разделения предметов ведения эти вопросы остаются за субъектами РФ, далеко не все из них имеют свои законы об АТУ. Более того, нет ясности в том, совпадают ли административно-территориальные единицы с муниципальными образованиями. Причём не исключено же, что с принятием нового федерального закона о местном самоуправлении его нижний уровень – сельские и городские поселения – «уйдёт» в «административную зону» управления, т. е. останутся лишь муниципальные округа.

Избирательное право, избирательный процесс

В этой части конституционного права много «беспорядочно», поэтому преподавание остаётся традиционным, особенно в части прав граждан и избирательного процесса.

Однако всё же имеется концентрированный круг вопросов, которые неизбежны для практики и, соответственно, привлекают внимание студентов.

Прежде всего, это вопрос о *специальных, целевых источниках* избиратель-

ного права на федеральном уровне. Уже многие годы оправдывает себя существование Федерального закона об избирательных правах и праве на референдум граждан РФ. Правда, на какой-то «волне» у Центральной избирательной комиссии РФ возникла идея подготовки нового акта, который сначала называли Избирательным кодексом РФ, но на завершающем этапе подготовки документ получил наименование «Кодекс Российской Федерации о выборах и референдумах».

Кодекс был подготовлен учёными МГУ и на начальных этапах обсуждения не вызвал сильной критики как у ЦИК РФ, так и у научного сообщества. Первичная задумка состояла в том, что это будет единый акт, адресованный всем видам выборов в нашей стране. В части общих начал, а также принципов избирательного права и избирательной системы он может прямо действовать для любых выборов, а особенности по уровням можно отразить актами Федерации и субъектов РФ.

Однако возникли некоторые проблемы, задержавшие движение этого проекта. В частности, не было ясности в том, должно ли быть включено в Кодекс, например, голосование по отзыву избранного лица; как быть в ситуации избрания депутата не населением, а депутатами нижестоящего уровня. Сегодня своеобразная «ясность» достигается тем, что соответствующие институты исключаются из законодательства: отменены отзыв главы субъекта РФ, депутатов всех уровней; станет частью истории избрание депутатов вышестоящего муниципального органа нижестоящими депутатами, а также вхождение по должности глав нижестоящих муниципальных образований.

Другая причина торможения проекта связана с тем, что в нём предлагается восстановить некоторые ранее существовавшие правила – например, о создании избирательных блоков, об отказе от масштабного государственного и частного финансирования выборов и др.

Ещё одна причина связана с активным внедрением в избирательный процесс

электронных возможностей, в т. ч. дистанционного голосования без явки в помещенные участковой комиссии, использования электронных способов обеспечения гласности голосования и подсчета поданных голосов [6; 15].

Актуальным в избирательном процессе остаётся вопрос о защите личности кандидатов в депутаты. В последнее время законодательно многое сделано для поддержания достоинства кандидатов и охраны их персональных данных. Но, к сожалению, реальные пути защиты пока оставляют желать лучшего.

Органы государственной власти

Как это ни удивительно, сложностей в преподавании этой части конституционного права гораздо меньше. Разумеется, здесь хватает проблемных моментов, но в целом они выглядят более упрощённо, чем в других частях конституционного права. И, пожалуй, несколько масштабнее выглядят эволюционные факторы, т. е. в изложении материала чаще желательно действовать по принципу «сегодня – вчера», показывая сегодняшнее регулирование в сопоставлении с вчерашним.

При этом преподавателю не стоит уклоняться от «неудобных» вопросов. Их много, мы не сможем обо всём сказать в рамках данного материала, но обратим внимание на то, что трудности видим именно в методике, в сопоставлении нормативных материалов и оценочных суждений студентов. Проиллюстрируем это некоторыми примерами.

Так, применительно к Президенту РФ достаточно красноречивым является дополнение его роли как главы государства тем, что он «поддерживает гражданский мир и согласие в стране» (ч. 2 ст. 80 Конституции), обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие «органов, входящих в единую систему публичной власти» (ч. 2 ст. 80 Конституции). Но придётся коснуться и того, что в ч. 1 ст. 110 обозначено: исполнительную власть Российской Федерации осуществ-

ляет Правительство РФ «под общим руководством Президента Российской Федерации». Не придётся ли нам прежние толкования ст.ст. 10–11 Конституции, когда мы говорили о президентской власти как отдельной ветви в системе разделения властей, теперь дополнять тезисом, что президент тяготеет к исполнителю власти? Усиление полномочий президента в формировании Правительства (назначение части членов данного органа после их утверждения Государственной Думой, а «силовых министров» лишь после неясного консультирования с Советом Федерации), расширение права президента на назначение до 30 сенаторов РФ в Совет Федерации, сохранение прав по предложению кандидатур в состав Конституционного Суда РФ и участие в освобождении от должности судей высшего уровня в РФ, введение права президента на инициирование предварительного нормоконтроля в КС РФ – все подобные предписания могут быть предметом спокойного анализа вместе со студентами.

В процессе обсуждения в созданной Президентом РФ Рабочей группе по рассмотрению поправок к Конституции анализировались разные предложения. В частности, автор этих строк предлагал более обстоятельно в ст. 94 отразить функции Федерального Собрания – представительный характер, законодательствование, участие в высшем руководстве делами страны, формирование ряда государственных органов, парламентский контроль. Предложение не прошло. Но хотя бы появилась ст. 103-1, согласно которой палаты Федерального Собрания вправе осуществлять парламентский контроль. Члены Рабочей группы, в т. ч. депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации, не поддержали давно «носящуюся в воздухе» идею народной законодательной инициативы; причина проста – парламент «завалит» народными законопроектами, он «не продохнется» от них. Думается, анализ студентами российского парламентаризма нуждается в изучении не только нормативного материала, но и

предложений, идей конструктивного повышения его роли.

Требует к себе внимания и конституционное правосудие. Мы стали очевидцами некоторых мер, вызвавших обеспокоенность: сокращено количество судей Конституционного Суда РФ; упраздняются конституционные, уставные суды субъектов РФ. Но несомненным плюсом стало расширение компетенции Конституционного Суда РФ, в т. ч. и переводом на уровень Основного закона полномочий, которые до этого были на уровне законодательного регулирования. Это требует к ним внимания.

Что касается конституционного правосудия на уровне субъектов Российской Федерации, оно пошло по пути образования конституционных советов при парламентах отдельных республик; пока трудно сказать, что даст такая практика. Но к этим вопросам следовало бы обратиться при анализе органов публичной власти субъектов РФ.

Уровни конституционно-правового регулирования

Возможно, вопрос об уровнях конституционно-правового регулирования надо было поставить в начале данного материала. Но проблема становится более ясной как раз тогда, когда освещены предметные и методологические задачи курса и в целом просматриваются несколько дополнительных факторов, связанных с организацией нормативной регламентации.

Во-первых, мы федеративное государство, отсюда неизбежна необходимость распределения регулирования внутри страны между Российской Федерацией и субъектами РФ. Здесь порой мы сталкиваемся с желанием некоторых субъектов Федерации наряду с федеральным правом иметь ещё и «своё» право. Более того, на стадии существования СССР, когда центробежные тенденции (т. е. отдаление от центра, повышенная самостоятельность, граничащая с превращением федерации в конфедеративный союз) порой были сильны, отдельные союзные республики

помышляли о своём праве на «ратификацию», «дачу согласия» на введение в действие федеральных нормативных актов. В конце концов это стало одной из предпосылок развала Союза ССР как федеративного государства.

Какие-то скрытые отголоски того времени мы видим в ст. 76 Конституции РФ: она говорит о приоритете федерального права, но в то же время не исключает того, что в чём-то оно может нарушить права субъектов РФ, и в этом случае «действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации» (ч. 6 ст. 76). В реальности, конечно, речь идёт о другом: субъект не объявляет о приостановлении или отмене федерального акта, а вправе оспорить его в Конституционном Суде РФ.

Тем более давно в стране сделан правильный вывод: у нас нет систем права ряда уровней, ведь в этом случае нам пришлось бы допустить, что наряду с федеральным правом имеются и право субъектов РФ, и право муниципальных образований. И это было бы крайне неправильно. У нас одна система права; и имеются 3 уровня регулирования общественных отношений, но они лишь воплощаются в нормативных актах, однако *внутри единой системы* права.

Как было упомянуто выше, на разных этапах развития страны возникали попытки передать регулирование некоторых отношений в руки общественных объединений. Такие шаги связывали с перспективами перехода от государства к общественному коммунистическому самоуправлению. В частности, большой объём государственной собственности в сфере отдыха и лечения передали профсоюзам, что породило их регулирование. Прошло время, идея не дала хороших результатов, собственность постепенно стали возвращать государству. И от такого регулирования отказались.

В наше время тоже возникают вопросы с определением тех, кому регулировать общественные отношения, в т. ч. и в сферах, связанных с публичной властью. Так, ранее избирательное законодательство определяло порядок включения беспартийных в списки политических партий при вы-

движении ими списков кандидатов в депутаты. Теперь же закон отдал эти процедуры в руки самих политических партий. В связи с использованием у нас процедур праймериз, т. е. предварительного отбора и одобрения тех, кого надо включать в избирательные списки кандидатов от политических партий, опять же, процедуры стали предметом общественного нормативно-правового регулирования.

Это означает, что в ходе изучения конституционного права студентам надо помочь разобраться, может ли использоваться негосударственное регулирование и могут ли стать общественные источники частью нормативной базы конституционного права.

Во-вторых, в том случае, когда зарождается наднациональный союз с участием Российской Федерации, имеются основания говорить о зарождении *наднационального уровня* конституционно-правового регулирования. Наглядный тому пример – образование и упрочение Союзного государства Беларуси и России. В документах этого Союза отражаются его основы, статус органов Союза, порядок их формирования, работы и полномочия, а также соотношение актов такого Союза и законодательства каждого из государств. Кроме того, документы Союза определяют права, свободы и обязанности граждан и в целом, и при нахождении на территории каждого из этих государств. Гармония регулирования предполагает признание каждой стороной таких актов, обеспечение действия и защиту интересов граждан.

В-третьих, в случае, если Россия стала стороной (участником) в международном договоре, обращённом к её компетенции, правам и свободам наших граждан, можно говорить о международном уровне регулирования конституционных отношений. Наиболее яркими примерами участия России в таких документах и их признания для нашей страны являются международные пакты о гражданских и политических правах граждан, об экономических, социальных и культурных правах.

Однако снова подчеркнём: речь идёт о вхождении нашего государства в круг тех стран, которые признали и ратифицировали подобные документы. Следовательно, по происхождению они имеют международные корни, но по содержанию регулирования уже становятся частью национального – конституционного – права.

Такого рода документы (обоих видов) можно было бы в более полной мере использовать при преподавании конституционного права, анализе конституционно-правовых отношений.

Однако имеются и специфические моменты, которые надо учитывать. Например, в рамках ООН разрабатываются документы в части права несовершеннолетних на участие в публичных, в т. ч. и протестных мероприятиях. Наблюдая, как проходят подобные акции в зарубежных странах, мы не видим участия в них подростков. Но нам пытаются навязать расширительное толкование «выхода детей на улицу» под знаком того, что несовершеннолетние идут якобы для поддержки тех, кто выступает против режима. И ещё: если им разрешено вместе со взрослыми участвовать в санкционированных акциях (например, «бессмертный полк»), тогда им надо дать и право на участие в санкционированном и даже несанкционированном мероприятии. В общем, под знаком внимания к правам несовершеннолетних нам навязывается «терпение» к любым акциям, даже если они опасны для жизни и здоровья людей. Как известно, Российская Федерация сделала решительные шаги по пути толкования международных документов для нашей страны как непротиворечащих нашей системе, общим подходам к регулированию общественных, особенно политических отношений.

Отсюда имеются основания говорить о том, что и международное, и наднациональное регулирование надлежит трансформировать в отечественное законодательство. Соответственно, при преподавании использование таких документов желательно, но с необходимыми комментариями педагогов.

Заключение

Как известно, преподавание организуется на основе плана учебной дисциплины и отводимых для неё часов. Задача педагога состоит в том, чтобы помочь студенту, слушателю освоить необходимый научно-учебный лексикон, нормативный материал, по возможности познать практику его применения. Преподаватель учитывает

уровень своей аудитории, доступность законодательства и учебной литературы. Но это не мешает нам делиться опытом, помогать друг другу. Будем надеяться, что наши советы и рекомендации поспособствуют высокому уровню преподавания конституционного права России.

Статья поступила в редакцию 19.10.2022.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авакьян С. А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 3–6.
2. Аристов Е. В. Социальное государство: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. 47 с.
3. Бабурин С. Н. О корректировке Конституции Российской Федерации в 2020 году // Конституционный вестник. 2020. № 5 (23). С. 119–121.
4. Боброва Н. А. Особенности предмета конституционного права как метаотрасли // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 4. С. 3–9.
5. Гаджиев Г. А. О понимании и правопонимании в конституционном праве // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 6 (66). С. 46–60.
6. Киселев А. С. Формирование идеи электронного государства и особенности её реализации: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2018. 22 с.
7. Клишас А. А. Социальное государство. М.: Международные отношения, 2017. 272 с.
8. Кокотов А. Н. О предмете конституционно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 36–43.
9. Кондрашев А. А. О правовых и «неправовых законах»: критерии отграничения и российская правовая реальность // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 11. С. 3–8.
10. Конституционная концепция социального государства / под ред. Ю. И. Скуратова. М.: Изд-во РГСУ, 2018. 242 с.
11. Кравец И. А. Конституционное право как метаотрасль: роль конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 3–8.
12. Краснов М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов: учеб. пособие. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 454 с.
13. Маркова Е. Н. Общественная и (или) публичная власть: проблема соотношения в контексте конституционной реформы 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 24–29.
14. Некрасов С. И. Консерватизм и новации в конституционном праве (проблема меры и баланса) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 33–35.
15. Право цифровой среды / под ред. И. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М.: ООО «Проспект», 2022. 896 с.
16. Романовская О. В. Конституция России и фронтолиз государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 22–25.
17. Таева Н. Е. Институционализация норм конституционного права в динамике предмета правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3. С. 17–25.
18. Умнова-Конюхова И. А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики. М.: РГУП, 2019. 256 с.
19. Ходусов А. А. Социальное государство: проблемы формирования и модернизации в соответствии с международными стандартами. М.: Университетская книга, 2019. 275 с.
20. Чеботарев Г. Н. Как укрепить единую систему публичной власти? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 19–23.
21. Чертков А. Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19–23.
22. Шевердяев С. Н. Анализ обновлённой концепции публичной власти в России в различных исследовательских ракурсах // Законодательство. 2022. № 2. С. 18–26.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. [Modernization of public-political relations and constitutional reform: problems and prospects]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 9, pp. 3–6.
2. Aristov E. V. *Sotsialnost gosudarstva: zarubezhnyy opyt konstitutsionno-pravovogo obespecheniya: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk* [Sociality of the state: foreign experience of constitutional and legal support: abstract of Dr. Sci. thesis in Juridical sciences]. Moscow, 2017. 47 p.
3. Baburin S. N. [On the adjustment of the Constitution of the Russian Federation in 2020]. In: *Konstitutsionnyy vestnik* [Constitutional Bulletin], 2020, no. 5 (23), pp. 119–121.
4. Bobrova N. A. [Features of the subject of constitutional law as a meta-industry]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 4, pp. 3–9.
5. Gadzhiev G. A. [On understanding and legal understanding in constitutional law]. In: *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of constitutional justice], 2018, no. 6 (66), pp. 46–60.
6. Kiselev A. S. *Formirovaniye idei elektronnoy gosudarstva i osobennosti yeyo realizatsii: teoretiko-pravovoye issledovaniye: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Formation of the idea of an electronic state and features of its implementation: theoretical and legal research: abstract of Cand. Sci. thesis in Juridical sciences]. Belgorod, 2018. 22 p.
7. Kliskas A. A. *Sotsialnoye gosudarstvo* [Social state]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ., 2017. 272 p.
8. Kokotov A. N. [On the subject of constitutional and legal regulation]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2018, no. 10 (95), pp. 36–43.
9. Kondrashev A. A. [On legal and «non-legal laws»: delimitation criteria and Russian legal reality]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 11, pp. 3–8.
10. Skuratova Yu. I., ed. *Konstitutsionnaya kontseptsiya sotsialnogo gosudarstva* [The constitutional concept of the welfare state]. Moscow, Izd-vo RGSU Publ., 2018. 242 p.
11. Kravets I. A. [Constitutional law as a meta-branch: the role of the constitution and the foundations of the constitutional system in inter-branch harmonization]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2017, no. 11, pp. 3–8.
12. Krasnov M. A. *Vvedeniye v konstitutsionnoye pravo s razyasneniyem slozhnykh voprosov* [Introduction to the constitutional law with an explanation of complex issues]. Moscow, Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki Publ., 2018. 454 p.
13. Markova E. N. [Public and (or) public authority: the problem of correlation in the context of the constitutional reform of 2020]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2021, no. 12, pp. 24–29.
14. Nekrasov S. I. [Conservatism and innovations in constitutional law (the problem of measure and balance)]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2019, no. 12, pp. 33–35.
15. Podshivalova I. P., Titova E. V., Gromova E. A., eds. *Pravo tsifrovoy sredy* [The law of the digital environment]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 896 p.
16. Romanovskaya O. V. [The Constitution of Russia and the frontolysis of state power]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2017, no. 9, pp. 22–25.
17. Taeva N. E. [Institutionalization of the norms of constitutional law in the dynamics of the subject of legal regulation]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2020, no. 3, pp. 17–25.
18. Umnova-Konyukhova I. A. *Obshchiye printsipy prava v konstitutsionnom prave i mezhdunarodnom prave: aktualnyye voprosy teorii i sudebnoy praktiki* [General principles of law in constitutional law and international law: topical issues of theory and judicial practice]. Moscow, RGUP Publ., 2019. 256 p.
19. Khodusov A. A. *Sotsialnoye gosudarstvo: problemy formirovaniya i modernizatsii v sootvetstviy s mezhdunarodnymi standartami* [Social state: problems of formation and modernization in accordance with international standards]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2019. 275 p.
20. Chebotarev G. N. [How can the unified system of public authority be strengthened?]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2020, no. 3, pp. 19–23.
21. Chertkov A. N. [Public authority: composition, unity and essence of interaction]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipalnoye pravo* [Constitutional and municipal law], 2020, no. 10, pp. 19–23.
22. Sheverdyayev S. N. [Analysis of the updated concept of public power in Russia in various research perspectives]. In: *Zakonodatelstvo* [Legislation], 2022, no. 2, pp. 18–26.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Авакьян Сурен Адиебекович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: avakian@law.msu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Suren A. Avakyan – Dr. Sci. (Law), Prof., Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Departmentally Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: avakian@law.msu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Авакьян С. А. О преподавании конституционного права России в современных реалиях: правовые, предметные и методологические (методические) аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 4. С. 7–23.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-7-23

FOR CITATION

Avakyan S. A. On Granting the Constitutional Law of Russia in Modern Realities: Legal, Subject and Methodological (Methodological) Aspects. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 4, pp. 7–23.
DOI: 10.18384/2310-6794-2022-4-7-23